

Особенности защиты цифровых прав

Елена Викторовна Блинкова, Богдан Евгеньевич Кошелюк✉

Академия права и управления Федеральной службы исполнения наказаний,
Рязань, Россия
Контакт для переписки: kenig77@mail.ru✉

Аннотация. Глобальная цифровизация общества опосредовала необходимость детального изучения цифровых прав. Обеспечение сохранности пользовательских данных зависит не только от добросовестности и надежности контрагентов, обеспечивающих цифровые услуги; следует также учитывать профессиональную ответственность и способы компенсации в случае нарушения интересов пользователей. Необходимо сохранить дублирующие пути реализации прав вне сетевого/цифрового континуума. В данной статье анализируются ключевые особенности цифровых прав, которые выступают в качестве специфичных объектов гражданских правоотношений. Авторы подробно рассматривают механизмы защиты цифровых прав, которые регулируют информационные системы и международную сеть Интернет. Особое внимание уделено специфике хранения цифровых прав, поскольку на практике сложно отграничить цифровую копию от оригинала.

Ключевые слова: защита цифровых прав, современные технологии, токен, гражданско-правовая ответственность, гражданское законодательство, формы защиты цифровых прав, политика безопасности, цифровизация

Цитирование: Блинкова Е. В., Кошелюк Б. Е. 2024. Особенности защиты цифровых прав // Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования. Том 10. № 3 (39). С. 158–173. <https://doi.org/10.21684/2411-7897-2024-10-3-158-173>

Поступила 31.05.2024; одобрена 01.10.2024; принята 14.10.2024

Specifics of digital rights protection

Elena V. Blinkova, Bogdan E. Koshelyuk✉

Academy of Law Management of the Federal Penal Service of Russia, Ryazan, Russia
Corresponding author: kenig77@mail.ru✉

Abstract. So far, the global digitalization of society has mediated the need for a detailed study of digital rights. The safeguarding of user data does not only depend on the integrity and reliability of digital services providers; in the event of a breach of users' privacy, the counterparties' professional liability and avenues for compensation should also be considered. Duplicate avenues for the realization of rights outside the network/digital continuum should be preserved. This article studies the key features of digital rights as specific objects of civil legal relations. The authors analyze the mechanisms for protecting digital rights which regulate information systems and the Internet. Moreover, storing digital rights has its own specifics, as it is difficult to distinguish a digital copy from the original.

Keywords: digital rights protection, modern technologies, token, civil liability, civil legislation, digital rights protection forms, security policy, digitalization

Citation: Blinkova, E. V., & Koshelyuk, B. E. (2024). Specifics of digital rights protection. *Tyumen State University Herald. Social, Economic, and Law Research*, 10(3), 158–173. <https://doi.org/10.21684/2411-7897-2024-10-3-158-173>

Received May 31, 2024; Reviewed Oct. 1, 2024; Accepted Oct. 14, 2024

Введение

Современное общество базируется на постоянном информационном развитии, итогом которого является появление цифровых объектов, в отношении которых действуют соответствующие цифровые права. Поскольку цифровые права не могут быть закреплены на материальном носителе, разработаны отдельные положения в ст. 128 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее — ГК РФ), где цифровые права выступают в качестве ключевых объектов гражданских прав. Помимо этого, актуальными остаются проблемы защиты соответствующих прав, которые на данный момент получили исключительно поверхностную правовую регламентацию. В частности, специалисты отмечают необходимость дополнительной правовой регламентации особенностей защиты соответствующих прав. Должная защита цифровых прав требует предусмотреть дополнительные механизмы защиты соответствующих правоотношений.

Целью данного исследования является полномасштабный анализ специфики защиты цифровых прав и конкретизация проблем в обозначенной сфере.

Следующие задачи исследования актуальны для данной темы:

- 1) выделение специфики цифровых прав, выступающих в качестве объектов гражданского права;
- 2) анализ специфики защиты цифровых прав относительно актуального гражданского законодательства;
- 3) анализ проблематики защиты цифровых прав в контексте определения ключевых проблем, опосредующих развитие института цифровых прав.

Одной из ключевых проблем является именно изучение цифровых прав, потому что для практикующих специалистов важно зафиксировать проблемы и перспективы развития данного института в рамках активной полемики.

На становление института цифровых прав повлияло то, что он развивался в период жестких ковидных ограничений. Фактически развитие данного института обусловлено реалиями постковидного общества, которое активно вступило в эпоху взаимодействия с цифровой средой, например, получившими распространение QR-кодами.

Результаты и обсуждение

Защита цифровых прав в России на современном этапе

Цифровые права были закреплены в качестве самостоятельных объектов гражданских правоотношений уже в 2019 г. (ст. 141.1 ГК РФ¹). Тем не менее эта трактовка цифровых прав довольно широка, поскольку включает обязательства и иные правоотношения. При реализации данных прав необходимо опираться на правила работы с информационной системой — в этом и состоит ключевая особенность цифровых прав, которая нуждается в дополнительной правовой регламентации. Поэтому цифровая система должна опираться на определенные признаки, которые закреплены законодательно. Владельцы цифровых прав при этом имеют право распоряжаться исключительно цифровыми правами, которые относятся к конкретной информационной системе.

Но если рассматривать данное понятие детально, то в отношении защиты цифровых прав законодательством не регламентируется сущностная специфика правовой регламентации соответствующего института. Поэтому защита цифровых прав допускает использование гражданско-правовых способов защиты с учетом особенностей объекта цифровых прав и специфики конкретного нарушения в том или ином случае. Соответственно, правоприменитель должен пользоваться индивидуальным подходом при рассмотрении споров по цифровым правам.

На практике защита цифровых прав обусловлена, например, защитой интересов владельцев токенов, с помощью которых можно распоряжаться корпоративными ценными бумагами. Сложность регламентации защиты соответствующих прав связана с тем, что актуальное национальное законодательство не фиксирует токен в качестве ценной

¹ Доступна в СПС «КонсультантПлюс»: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/8568bf88dfcddf96ec39cede2444c36c998fbde3/ (дата обращения: 22.11.2024).

бумаги, поэтому обладатель токена не может в полной мере защитить свои интересы. При этом в других государствах токен воспринимается как полноценная ценная бумага с четко определенным статусом, и правообладатели имеют право использовать широкий спектр способов защиты цифровых прав. В Европе сложилась широкая судебная практика в сфере защиты прав владельцев токенов, например, судебный спор компании Tezosinc [Варнавский, 2021, с. 130].

В то же время к объектам цифровых прав применяются общие гражданско-правовые нормы: сделки по размещению токенов могут быть признаны недействительными, если они совершались в рамках обмана. Поскольку размещение токенов связано с декларированием размещения средств и другого имущества, то, если токены были куплены исключительно в рамках совершения обманных действий, речь идет о фиксации сделки в качестве недействительной, а приобретателю токена должны быть возмещены убытки.

Способы защиты нарушенных прав при наличии определенных обязательств, обусловленных заключением договора, в полной мере распространяются на токены и другие цифровые объекты. Следовательно, токен может выступать в качестве самостоятельного предмета сделки несмотря на свою довольно узкую специфику. Поэтому целесообразно будет при разработке договора купли-продажи токенов прописать в нем имущественную ответственность, обусловленную просрочкой исполнения договорных обязательств. Например, в договоре можно прописать соответствующие штрафные санкции, чтобы обезопасить интересы обеих сторон сделки [Блинкова, Кошелюк, 2017, с. 31–64].

Помимо этого, если субъект в процессе выпуска токена зафиксировал ложную информацию относительно выпускаемого объекта гражданских прав, то он может быть правомерно привлечен к гражданско-правовой ответственности, т. к. данные действия будут рассматриваться как мошенничество со стороны соответствующего субъекта. Например, злонамеренная публикация материалов в социальных сетях конкретных субъектов может нарушить рекламные правила. В этом ключе правоприменитель будет опираться на закон РФ от 7 февраля 1992 г. № 2300-1 «О защите прав потребителей»¹. Соответственно, цифровые права подлежат полноценной защите в контексте применения актуальных законодательных норм РФ.

Поэтому можно сделать предварительный вывод, что относительно цифровых прав можно использовать общие механизмы защиты, которые актуальны для гражданского законодательства. При этом необходимо учитывать специфику цифровых прав и конкретных нарушений, допущенных субъектами гражданских правоотношений в конкретном случае [Гетман, 2021, с. 20].

Поскольку соответствующие права имеют свою специфику, необходимо дополнить актуальное законодательство иными способами защиты цифровых прав. В этом ключе необходимо принять и разработать отдельный Федеральный закон «О цифровых правах», который будет конкретизировать не только сущность цифровых прав, но также конкретные механизмы защиты цифровых прав и их тенденции. Правоприменительная

¹ Доступен в СПС «КонсультантПлюс»: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_305/ (дата обращения: 22.11.2024).

практика относительно защиты цифровых прав находится на самом начальном этапе формирования, поэтому специалисты не всегда могут обратиться к ней для разрешения спорных вопросов. Именно данный закон позволит решить проблему формирования актуальной правоприменительной практики в сфере защиты цифровых прав в РФ.

Интернет можно назвать ключевым механизмом, влияющим на формирование современных общественных отношений. Отдельные специалисты называют его «полноценным общественным достоянием» наряду с культурными достижениями современности. В то же время через Интернет нередко распространяется нелегальная непроверенная информация, что создает препятствия для пользователей и нарушает их цифровые права, в частности право на доступ к информации.

В то же время несмотря на основы информационной открытости в обществе политика государства зачастую ограничивает информационную свободу. В этом ключе государство заинтересовано в обеспечении политики безопасности российского Интернета при конкретизации актуальных цифровых прав в контексте необходимости их защиты. Цифровые права включают не только приоритет относительно доступа к электронным устройствам и различным коммуникационным сетям, поэтому необходимо досконально урегулировать разработку и публикацию цифровых произведений, а также порядок ограничения их неправомерного распространения. Такие отношения напрямую связаны с авторскими правами.

Помимо этого, необходимо отграничить статус обладателя цифровых прав, которым по общему правилу является лицо, которое имеет право распоряжаться соответствующими цифровыми правами с опорой на информационную систему. В отдельных случаях в соответствии с актуальным законодательством цифровыми правами может распоряжаться иное лицо [Потапенко, 2023, с. 65].

Речь идет о заключении соответствующей сделки относительно перехода цифровых прав. По общему правилу цифровые права передаются даже без согласия субъекта, выступающего в роли обязанного субъекта. В соответствии со спецификой тех или иных цифровых прав, произведения литературы, науки, искусства могут передаваться в цифровом формате, соответственно они тоже становятся объектами цифровых прав. Их правовая регламентация имеет свою специфику, обоснованную следующими специфическими чертами: пользователи сети интернет получают неограниченный доступ к такого рода объектам цифровых прав, которые не связаны с материальными носителями, а их распространение обосновано внедрением специфичных электронных устройств.

Стоит отметить, что такие произведения могут храниться на диске или на сервере, поэтому может быть сложно зафиксировать, например, отличия пиратской копии от оригинала, потому что копия, как правило, распространяется с огромной скоростью, чему активно способствуют Интернет-пользователи.

Чтобы избежать незаконного копирования цифровых произведений, используется механизм защиты авторских прав под названием «цифровой каталог»¹, где пользователи

¹ Каталог — это специфичная база данных, которая содержит всю информацию о правообладателе и конкретном информационном объекте.

не только знакомятся с конкретным произведением, но и получают возможность узнать реальную информацию о данном объекте цифровых прав и его правообладателях. К соответствующим цифровым каталогам относятся архивы и библиотеки, которыми активно пользуются интернет-пользователи не только в России, но и за рубежом.

Также стоит отметить положительную практику сферы защиты интересов собственников токенов, поскольку российское гражданское законодательство активно развивается в этой сфере. Токен на практике всё чаще выступает в качестве полноценной ценной бумаги. В этом ключе, если токен всё-таки соответствует признакам ценной бумаги, собственник может применить определенные гражданско-правовые меры защиты своих цифровых прав, потому что он выступает в роли полноценного владельца ценной бумаги [Кархалев, 2022, с. 140].

При защите прав владельцев токена как владельцев акции обосновано применение механизмов защиты прав, характерных для владельцев ценных бумаг. В то же время важно, чтобы в рамках национальной юрисдикции токен фиксировался как ценная бумага: он должен соответствовать конкретной классификации ценных бумаг. Объекты цифровых прав должны быть должным образом задекларированы и оформлены. Соответственно, если размещение биткоинов сопровождалось действиями обманного характера — в рамках которых продавец был введен в заблуждение, или же жертвой обмана оказался покупатель — то речь идет о недействительной сделке. В таком случае фиксируются нарушения основ гражданско-правового законодательства. Важно, чтобы токен выступал в роли полноценного имущества в контексте соблюдения положений ст. 178 ГК РФⁱ. Данная статья фиксирует, что ICO (первичное размещение монет на криптобирже) по праву является сделкой, которая может быть совершена на территории РФ.

На практике права собственника в определенной части нарушаются в рамках заключения договора купли-продажи или дарения соответствующего объекта информационных прав. Чтобы пресечь саму возможность нарушения соответствующих условий договора, необходимо зафиксировать материальную ответственность, которую будет нести нарушитель в случае пренебрежения нормами, включенными в договор купли-продажи или дарения токена. При этом в договоре должна быть четко конкретизирована материальная ответственность. Это подразумевает закрепление соответствующих штрафов и иного рода санкций, которые могут быть применены к нарушителю информационных прав, конкретных субъектов соответствующих отношений.

Отметим, что в социальных сетях всё чаще информация распространяется неправомерным путем, в частности, нарушается законодательство о рекламе. К примеру, эмитент, который выпускает токены, начинает активную рекламу данных объектов в социальных сетях, но на практике не собирается выпускать токены. Пользователи социальных сетей вводятся в заблуждение относительно таких действий субъекта. Таким образом, фиксируется ответственность в отношении субъекта, который размещает недостоверную рекламу в социальных сетях, и к нему применяются соответствующие штрафные санкции.

ⁱ Доступна в СПС «КонсультантПлюс»: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/19e3a6e09ac20dd29005bc51985cb351fc6a50a5/ (дата обращения: 22.11.2024).

Можно заключить, что охрана цифровых прав является довольно спорным институтом защиты соответствующих прав, что обосновано новизной данного института. Законодателям не удалось в полной мере урегулировать отношения, которые возникают между субъектами в процессе распоряжения цифровыми правами [Подузова, 2021, с. 60].

Несмотря на описанные проблемы цифрового правоприменения, стоит отметить, что цифровые права нельзя фиксировать в качестве исключительно негативного явления. В первую очередь закрепление цифровых прав в гражданском законодательстве связано с развитием соответствующего института и углублением правовой регламентации оборота электронного имущества в РФ. Данный объект гражданских правоотношений фиксирует новые правомочия субъектов бизнеса. Например, бизнес-партнеры могут быстро совершать международные транзакции в рамках распоряжении своими финансовыми активами, тем самым субъекты получают беспрецедентный доступ к информационной сфере зарубежного бизнеса. Процедура привлечения инвестиционных средств внутри государства и за рубежом стала более упрощенной и унифицированной. Фактически цифровые права обосновывают ускорение глобализации данных процессов. При этом нарастает необходимость принятия дополнительных нормативно-правовых актов в части урегулировании отношений, связанных с данным объектом гражданских прав, потому что постепенно данные отношения развиваются и всё больше интегрируются в иные общественные отношения. Поэтому необходимо разработать дополнительные законодательные нормы в части налогообложения и регистрации соответствующих цифровых прав на конкретные объекты.

Цифровые права в России бездейственны

Научно-техническое развитие влияет на практически все сферы жизнедеятельности людей: общественные отношения строятся на внедрении современных электронных технических средств, без которых нельзя представить современную жизнь. В этом ключе речь идет о глобальной цифровизации, которая в определенной мере затронула все ключевые правоотношения. Соответственно, на данный момент цифровизация положительно отразилась на цифровом праве; появились цифровые субъективные права.

В России данный процесс развивается медленнее: цифровые права стали отдельным институтом относительно недавно, поэтому на практике сложно охарактеризовать их сущность и дать им необходимую правовую оценку. Тем не менее они нашли свое отражение в гражданском законодательстве — следовательно, они объективно выступают в роли полноценных прав, которыми могут распоряжаться те или иные субъекты. В то же время мы не можем говорить о так называемой объектности данных прав, поскольку соответствующие права не имеют объективной формы выражения; поэтому их сложно сравнить с другими объектами гражданских прав.

Тем более достаточно сложно охарактеризовать количественную и качественную специфику цифровых прав, учитывая, что другие объекты гражданских прав вполне можно охарактеризовать в качестве конкретных объектов, имеющих материальное воплощение. Так, все объекты гражданских прав можно увидеть в реальности и объективно воспринимать их изменения, распоряжаясь такими объектами более объективно.

Даже если мы говорим об интеллектуальной собственности, то подразумеваем, что у нее есть определенное объектное выражение: результаты интеллектуальной собственности являются объектами гражданских прав, имеющими свою специфику, но при этом обладающими определенными характеристиками.

Характеризуя цифровые права, можно заключить, что они не соотносятся с другими объектами гражданских правоотношений. В первоначальном законопроекте относительно поправок в ГК РФ цифровые права представляют собой определенные цифровые обозначения, которые выступают в роли полноценных объектов, фиксирующих определенные права относительно объектов гражданских прав. В то же время в актуальной редакции ГК РФ нет такой привязки, на основании чего можно предположить, что цифровые права не выступают в роли объективного права. Тем не менее они нашли свое легальное отражение в актуальной редакции ГК РФ. Но на практике цифровые права не закреплены в качестве объективных прав. Это говорит об отсутствии соответствующей привязки в актуальном законодательстве и отсутствии характеристики цифровых прав в качестве полноценного объекта гражданских прав. Поэтому и речи не может быть об объектности соответствующих прав. Соответственно, сложно установить связь между субъективными и объективными правами в отношении цифровых объектов, поскольку объективные и субъективные права тесно связаны между собой, а без их фиксации трудно установить соответствующие взаимосвязи.

Стоит подчеркнуть, что, если даже официально зафиксировать суверенный характер объектов цифровых прав и обозначить их в виде определенного цифрового кода, вопрос о сущности данного объекта гражданских прав всё равно останется открытым долгое время. В то же время некоторые эксперты считают цифровое право лишь механизмом реализации прав относительно материальных носителей гражданских прав, поэтому нельзя говорить о том, что код или какое-либо цифровое обозначение является самостоятельным уникальным объектом, который характеризует интересы субъектов. Это механизм, который способствует реализации актуальных прав и обязанностей, благодаря чему они получают цифровое обозначение. Так, многие эксперты считают, что самостоятельных объектов цифровых прав на практике не существует в силу того, что так называемый «объект цифровых прав» имеет лишь инструментальные функции в контексте цифровой фиксации прав на другие объекты гражданских прав. В роли объекта цифровых прав выступают даже вещи исключительные, например, права относительно результатов интеллектуальной собственности. В определенных случаях речь идет даже о выполнении работы и оказании различных услуг [Старосельцева, 2020, с. 160].

Можно прийти к выводу, что объект цифрового права выделяется чтобы охарактеризовать цифровое право в контексте гражданских правоотношений. В таком случае необходимо охарактеризовать специфику цифрового права относительно гражданско-правовых отношений, в которых она имеет особый формат. Согласно актуальному гражданскому законодательству, расширение информационных систем привело к необходимости выделения отдельных цифровых прав, т. к. на данный момент возникновение цифровых прав обуславливает распространение отношений, связанных с криптовалютой, и ее влиянием на экономику. В то же время нельзя отрицать, что криптовалюта

существует в рамках современной информационной системы, в которую не может вмешиваться государство и его институты, используя те или иные правовые инструменты.

При этом цифровые права основываются на существовании информационной системы, чье существование обосновано законодательно. Соответственно, цифровые права возникли потому, что необходимо было регламентировать отношения, связанные с криптовалютой. Информационная система, в свою очередь, является платформой, работу которой контролирует оператор, чья деятельность уже подконтрольна Банку России. В результате сложилась достаточно спорная правовая ситуация: непонятно, каким образом можно распоряжаться цифровыми правами и какие существуют ограничения, т. к. данные права формируются по воле владельца информационной системы. Хотя в законе декларируется свобода использования цифровых прав, именно на практике возникают определенные сложности, а именно определенная безальтернативность. Владельцы цифровых прав распоряжаются ими только в рамках определенной информационной системы.

Чтобы изменить ситуацию, необходимо фактически перенести определенные компетенции в иную цифровую среду, что является нецелесообразным и невозможным на практике: поскольку владелец информационной системы контролирует информационную среду, распоряжение соответствующими правами невозможно. Соответственно, на практике действуют определенные безальтернативные ограничения относительно распоряжения цифровыми правами, что приводит к довольно серьезным проблемам. Даже если речь идет о централизованной информационной системе, будет действовать запрет относительно обращения к третьим лицам, поэтому необходимы механизмы защиты информационных прав. Механизм блокчейн является актуальным для законодателей и внедрен в качестве меры безопасности, но на практике не столь часто применяется. Поэтому актуальной проблемой является на данный момент защищенность цифровых прав, достижение которой остается предметом споров различных правоприменителей. Вот почему на данный момент при внедрении цифровых прав в российскую правовую действительность в полной мере институт цифровых прав юридически не закреплен.

Следует отметить, что регламентация отношений в обозначенной сфере даже в разрезе отражения данного права в гражданском законодательстве нецелесообразна, т. к. на данный момент в статусе проекта представлен документ «О цифровых финансовых активах» («О ЦФА»). Он зафиксировал нормы, которые позволяют охарактеризовать ключевые аспекты данного института. Это необходимо, потому что актуальные нормативные акты неточны в контексте характеристики цифрового права как определенного гражданско-правового явления. При этом сама характеристика цифровых прав является противоречивой, если рассматривать их как определенный аналог криптовалют, т. е. цифровых деяний. В перспективе актуальное законодательство должно ответить на один простой вопрос, чтобы дать полную правовую оценку данному институту: в чем состоят его сущность и направленность. Это важно по ряду причин: чтобы охарактеризовать определенный тип информационной системы; обозначить компетенции владельцев цифровых прав и владельцев информационной системы; охарактеризовать и внедрить актуальный механизм защиты цифровых прав, которой будет реально действовать на практике [Варнавский, 2021, с. 130].

Особенности защиты цифровых прав юридическими лицами

Современная бизнес-система существует в рамках цифровизации определенных объектов. При этом многие бизнес-процессы переведены в дистанционный формат. Бизнес стал более мобильным из-за конкретных экономических и социальных реалий. Бизнес работает в режиме онлайн, и внедрение дистанционных технологий необходимо для упрощения процедуры взаимодействия с контрагентами. Тем более поменялась сущность современных общественных отношений. На данный момент общество из индустриального превратилось в общество совместного потребления, основой которого является цифровое взаимодействие конкретных субъектов. Внедрение информационной системы в гражданско-правовой оборот является логичным, что обусловлено дополнением ГК РФ ст. 141.1. В этом случае мы говорим об определенных обязательственных правах, которые опираются на конкретную информационную систему, отвечающую определенным признакам. При этом, как отмечалось выше, осуществление данных прав (в т. ч. в рамках возможности передачи цифровых прав в залог или запрет на использование цифровых прав) обусловлено информационной системой: не нужно обращаться к третьим лицам, данная система автоматизирована.

В рамках правового регулирования цифровых прав и использования цифровых финансовых активов законодатель обоснованно решил охарактеризовать правовой режим использования цифровых прав, сравнив его с правовым режимом бездокументарных ценных бумаг. Это удобно для субъектов бизнеса, т. к. в рамках правового регулирования цифровых прав логично использовать правовой режим бездокументарных ценных бумаг. Подтверждение данной концепции можно найти в экспертном заключении, которое дается в проекте Федерального закона № 419059-7ⁱ.

В то же время в обозначенном заключении экспертов анализируются подходы к характеристике цифровых прав, которые изначально трактуются как самостоятельные объекты гражданских правоотношений несмотря на наличие определенных сложностей в контексте правового регулирования соответствующих правоотношений. Как отмечалось выше, цифровые права являются совершенно новыми объектами гражданско-правовых правоотношений, поскольку они напрямую обусловлены развитием корпоративных обязательственных отношений. Фактически, трактовка цифровых прав является достаточно спорной, т. к. она включает в себя новый механизм конкретизации уже известных прав.

Примечательно, что в ст. 1 соответствующего закона «О ЦФА»ⁱⁱ закрепляются также права на ценные бумаги, права относительно денежного требования, права относительно капитала не публичного акционерного общества и права требования эмиссионных ценных бумаг. В то же время во многих западных государствах данные объекты гражданского права уже получили свою правовую оценку. Поэтому, чтобы данные правоотношения

ⁱ Доступен в СПС «КонсультантПлюс»: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=PRJ&n=170084> (дата обращения: 22.11.2024).

ⁱⁱ Доступен в СПС «КонсультантПлюс»: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_358753/e21bf6629de12458b6382a7c2310cc359186da60/ (дата обращения: 22.11.2024).

развивались, необходимо на нормативном уровне закрепить не только сущность понятия «цифровые права», но и ограниченный перечень цифровых прав. Поскольку наиболее перспективные отрасли экономики напрямую связаны с реализацией цифровых прав, чтобы исключить политическую и экономическую войну, то необходимо разработать отдельный закон, который будет регламентировать цифровые права.

Тем не менее стоит отметить, что законодательные инициативы в основном исходят от заинтересованных крупных корпораций, которые руководствуются своими задачами, которые почти всегда нацелены на получение выгоды. Можно привести соответствующий пример из судебной практики, истцом и ответчиком в котором выступали, соответственно, издательства «Терра» и «Астрель». В этом случае в силу законодательных поправок суд решил взыскать 7,567 млрд дол., т. к. исключительное право на произведение, которое первоначально признавалась общественным достоянием, перешло к другому хозяину¹. Стоит отметить, что отстающее законодательство в сфере информационных технологий часто приводит к тому, что субъекты соответствующих правоотношений злоупотребляют своими правами и стремятся доказать свою правоту. Это, в свою очередь, опосредует наличие законодательных пробелов.

Помимо этого, правоприменители с сомнением относятся к законодательному положению, в соответствии с которым распоряжение цифровыми правами допустимо только в рамках информационной среды. Так, исключается само влияние третьих лиц, потому как оно не соответствует современным тенденциям технического прогресса, в то время как современный гражданский оборот строится на информационных системах, которые могут использовать и третьи лица. Например, регистраторы информационной системы фиксируют права корпоративных организаций, соответственно, юридическое лицо выступает в роли обязанного субъекта. При этом соответствующий реестр является электронным, следовательно, акционер должен взаимодействовать с третьими лицами, чтобы реализовать свои права относительно цифровых объектов. Поэтому формулировка, приведенная в законе, не имеет под собой никаких оснований [Майоров, 2021, с. 165].

Нельзя не отметить, что понятие «цифровые права», нашедшее отражение в ст. 141.1 ГК РФ, и формулировка «бездokumentарные ценные бумаги», закрепленная в ст. 142 ГК РФ, по своей сути сопоставимы. Эти две формулировки фиксируют специфические обязательства и иного рода права, которые обоснованы совершением юридически значимых действий. В то же время внедряются определенные правила, в соответствии с которыми законодатель допускает, что цифровые права соотносятся с документарными бумагами. Но законодатель решил всё-таки охарактеризовать цифровые права в качестве отдельного объекта гражданских прав. В конечном итоге на практике не реализуются никакие механизмы защиты соответствующих прав. Фактически все процессы, связанные с данным институтом, выходят за рамки законодательного регулирования, поэтому достаточно сложно на практике охарактеризовать специфику защиты цифровых прав как таковых, т. к. многие институты и процессы, которые обоснованы наличием цифровых

¹ «Терра» проиграла спор с «Астрелью» на 7,5 млрд руб. из-за произведений фантаста Беляева // Право.ru. 28.02.2011. <https://pravo.ru/news/view/49287/> (дата обращения: 22.11.2024).

прав, не могут регламентироваться законодательно. Некоторые специалисты отмечают, что фактически цифровых прав не существует. В то же время, исходя из нематериальной специфики цифровых объектов в российском гражданском праве, ученые выделяют определенные способы защиты цифровых прав, которыми могут пользоваться юридические лица на территории РФ.

Соответственно в российском гражданском праве обозначается квалификация способов защиты цифровых прав, к которым могут пробегать юридические лица на данный момент.

1. В первую очередь обладатели токенов, которые распоряжаются корпоративными ценными бумагами, могут использовать допустимые способы защиты прав, предусмотренные гражданским законодательством. Но данные концепции являются спорными, потому что цифровой объект должен быть признан ценной бумагой.
2. Как отмечалось выше, к публикации токена также предъявляются определенные требования относительно размещения соответствующих объектов цифровых прав. Если они были размещены в контексте заблуждения и обмана, то процесс размещения признается недействительным. В данном случае размещение токенов фиксируется в качестве сделки, в рамках которой аккумулируются определенные денежные средства, поэтому владельцы токена могут настаивать на том, чтобы им были возмещены убытки, а соответствующая сделка признавалась недействительной, т. к. токены могли быть приобретены в рамках заблуждения или искажения первичных данных.
3. Поскольку токены являются полноценными объектами гражданских прав, речь идет о соблюдении договорных обязательств в контексте нарушения условий договора купли-продажи или дарения. Важно, чтобы между субъектами таких правоотношений заключались реальные договоры купли-продажи или дарения. В то же время данные правила не распространяются на владельцев токенов, которые занимаются реализацией определенного проекта.
4. Важно, что законодатель активно защищает также права потребителя в контексте соблюдения правил рекламы товара, в частности, в социальных сетях.
5. Нельзя забывать, что в отношении объектов гражданских прав действует так называемая «фидуциарная ответственность»: фиксируется ответственность должностных лиц в рамках злоупотребления своими полномочиями при размещении токенов в информационных системах. Также пресекается халатность относительно несоблюдения интересов обладателей токенов. В то же время обозначенный вид ответственности не закреплен законодательно, поэтому он нуждается в дополнительной правовой регламентации.

Следовательно, наличие актуального перечня не зафиксированных законодательно способов защиты в отношении цифровых прав мешают развитию института цифровых прав в РФ на данный момент. Для защиты данных представляется целесообразным обеспечить дополнительное нормативное правовое регулирование, направленное

на унификацию процедур обработки информации. Особое внимание необходимо обратить на обработку информации, ее поиск, анализ и последующее использование в контексте распространения определенных данных в рамках внедрения новых технологий, руководствуясь интересами общества.

Таким образом, возникла необходимость конкретизации механизмов защиты имущественных цифровых прав, а также фиксации ответственности конкретных субъектов в рамках нарушения их прав. Специалисты небезосновательно допускают возможность соотношения механизмов защиты цифровых прав с интеллектуальными правами. Это обосновано нарушением цифровых прав относительно криптовалют, т. к. в данном случае допускается компенсация соответствующих нарушений, а также фиксация нарушения прав правообладателя, например, если в цифровом реестре незаконно меняется запись о транзакции, фиксируется злонамеренное нарушение прав правообладателей.

Судебная практика

Как отмечалось выше, большинство цифровых произведений хранятся посредством использования такого механизма, как «цифровой каталог», необходимого в рамках обеспечения авторских прав правообладателя. Использование цифровых каталогов регламентируется не только авторским правом, но и дополнительным законом — Федеральным законом «О внесении изменений в отдельные законодательные акты РФ по вопросам защиты интеллектуальных прав в информационно-телекоммуникационных сетях» от 02.07.2013 № 187-ФЗ¹. Данный закон регламентирует ответственность за размещение в сети «Интернет» художественных произведений без обозначения правообладателя. Досудебное разбирательство в данном случае связано с тем, что владелец нарушенных прав направляет владельцу сайта извещение о нарушении своих прав. Владелец сайта, разумеется, может не прислушиваться к требованиям правообладателя, и тогда правообладатель может обратиться в суд.

Примечательно, что единственный судебный орган, который занимается такого рода делами, — это Московский городской суд. В то же время подсудность в данном случае фиксируется в рамках соблюдения общих правил, закрепленных Гражданским процессуальным кодексом РФ (ГПК РФ). Согласно ему ресурсы, которые содержат нелегальный контент, должны блокироваться (этим занимается Роскомнадзор). Также ГПК РФ фиксирует субъектов, которые нарушают цифровые права, и применяет к ним ограничительные меры. Владелец информационного ресурса обязан удалить соответствующую информацию. Но если сайт публикует нелегальный контент на постоянной основе, то в перспективе он подвергнется блокировке навсегда.

Ярким примером является иск АО «ТНТ-Телесеть» к ЗАО «Мета», который был направлен в Московский городской суд. Предметом спора была защита исключительных прав на произведение «Физрук», которое было незаконно размещено на сайте компании ЗАО «Мета», чем были нарушены авторские права компании «ТНТ-Телесеть».

¹ Доступен в СПС «КонсультантПлюс»: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_148497/ (дата обращения: 22.11.2024).

В Московском городском суде данное исковое заявление было полностью удовлетворено: на лицо нарушение авторских прав компании, которая имеет исключительное право по распоряжению аудиовизуальным произведением, о чем говорит судебная практика [Степанов, 2020, с. 448].

В настоящее время также появляются новые механизмы в рамках защиты интересов правообладателей. Например, сайт Youtube внедрил примечательную систему под названием Content ID¹, с помощью которой правообладатели фиксируют свой контент на платформе Youtube. Это возможно благодаря наличию «цифровых отпечатков» — определенных элементов контента, который выгружаются в информационную среду. Фактически, любое загружаемое видео сравнивается с другими, загруженными ранее. Данная система автоматически фиксирует права на ролик вместо правообладателя. Соответственно, политика защиты авторских прав автоматически распространяется на идентичные ролики.

Заключение

Цифровые права несут в себе определенную угрозу вследствие их неурегулированности на законодательном уровне. В то же время они открывают широкие возможности для многих субъектов гражданских правоотношений, поэтому их закрепление в гражданском законодательстве является основой регулирования оборота электронных объектов.

В гражданском обороте цифровые права особенно актуальны для субъектов бизнеса, которые могут беспрепятственно производить межгосударственные переводы и распоряжаться своими финансовыми активами, а также дают определенный доступ в бизнес-среде благодаря. Фактически цифровые права являются основой современных глобализационных процессов в обществе.

Благодаря внедрению новых механизмов защиты информационной системы, цифровые права в перспективе будут защищаться автоматически, и субъекты не будут привлекать к помощи судебные органы. Но для этого соответствующие права должны в полной мере регламентироваться на законодательном уровне. Речь идет о регламентации порядка налогообложения соответствующих объектов, порядка регистрации и фиксации прав относительно цифровых активов.

Список источников

- Блинкова Е. В., Кошелюк Б. Е. 2017. Договор поставки товаров для государственных нужд: монография. М.: Проспект. С. 31–64.
- Варнавский А. В. 2021. Токен или криптовалюта: технологическое содержание и экономическая сущность // Финансы: теория и практика. № 5. С. 122–140.

¹ Как работает система Content ID // Справка — YouTube. <https://support.google.com/youtube/answer/2797370?hl=ru> (дата обращения: 22.11.2024).

- Гетман Д. А. 2021. Сущность цифровых прав и их защита // Трансформация права в информационном обществе: мат. II Всерос. науч.-практ. форума молодых ученых и студентов. Екатеринбург. С. 16–21.
- Кархалев Д. Н. 2022. Цифровые права в гражданском обороте // Сибирское юридическое обозрение. № 2. С. 134–141.
- Майоров С. М. 2021. Цифровые объекты и субъекты в российском праве // Сборник статей Международного учебно-исследовательского конкурса. Петрозаводск. С. 162–165.
- Подузова Е. Б. 2021. Субъекты цифровых правоотношений: тенденции права и бизнеса // Актуальные проблемы российского права. Том 16. № 2 (123). С. 55–60.
- Потапенко Н. С. 2023. О применении технологии распределенного реестра (блокчейн) в юриспруденции // Кубанское агентство судебной информации Pro-Sud-123.ru: Юридический сетевой электронный научный журнал. № 3 (6). С. 65–75.
- Старосельцева М. М. 2020. К вопросу о защите цифровых прав сквозь призму гражданского права // Ученые записки Казанского юридического института МВД России. Том 5. № 2 (10). С. 227–230.
- Степанов С. А. 2020. Гражданское право: учебник / 5-е изд., перераб. и доп. М.: Проспект; Екатеринбург: Институт частного права. 448 с.

References

- Blinkova, E. V., & Koshelyuk, B. E. (2017). *Contract of Supply of Goods for State Needs*. Prospect. [In Russian]
- Varnavsky, A. V. (2021). Token or cryptocurrency: technological content and economic essence. *Finance: Theory and Practice*, (5), 122–140. [In Russian]
- Getman, D. A. (2021). The essence of digital rights and their protection. In *Transformation of Law in the Information Society: Proceedings of the 2nd All-Russian Scientific and Practical Forum of Young Scientists and Students* (pp. 16–21). [In Russian]
- Karkhalev, D. N. (2022). Digital rights in civil turnover. *Siberian Legal Review*, (2), 134–141. [In Russian]
- Mayorov, S. M. (2021). Digital objects and subjects in Russian law. In *Collection of Articles of the International Educational and Research Competition* (pp. 162–165). [In Russian]
- Poduzova, E. B. (2021). Subjects of digital legal relations: trends in law and business. *Actual Problems of Russian Law*, 16(2), 55–60. [In Russian]
- Potapenko, N. S. (2023). On the application of distributed registry technology (blockchain) in jurisprudence. *Kuban Agency of Judicial Information Pro-Sud-123.ru: Legal Network Electronic Scientific Journal*, (3), 65–75. [In Russian]
- Staroseltseva, M. M. (2020). To the issue of protection of digital rights through the prism of civil law. *Scientific Notes of the Kazan Legal Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 5(2), 227–230. [In Russian]
- Stepanov, S. A. (2020). *Textbook on Civil Law* (5th rev. ed.). Prospect; Institute of Private Law. [In Russian]

Информация об авторах

Елена Викторовна Блинкова, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры гражданского права и процесса, Академия права и управления Федеральной службы исполнения наказаний, Рязань, Россия
elenablinkova@inbox.ru

Богдан Евгеньевич Кошелюк, кандидат юридических наук, старший преподаватель, кафедра гражданского права и процесса, Академия права и управления Федеральной службы исполнения наказаний, Рязань, Россия
kenig77@mail.ru

Information about the authors

Elena V. Blinkova, Dr. Sci. (Jur.), Professor, Professor of the Department of Civil Law and Procedure, Academy of Law Management of the Federal Penal Service of Russia, Ryazan, Russia
elenablinkova@inbox.ru

Bogdan E. Koshelyuk, Cand. Sci. (Jur.), Senior Lecturer, Department of Civil Law and Procedure, Academy of Law Management of the Federal Penal Service of Russia, Ryazan, Russia
kenig77@mail.ru